

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ОТ СЕМИОТИКИ К РЕАЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Шипулина Наталья Борисовна, кандидат философских наук, доцент

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Россия, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
E-mail: nbship@mail.ru

Исследуется смена научных парадигм в социально-антропологических науках о повседневности. Утверждается переход от семантизированных способов понимания и исследования сферы вещей и повседневности в бытии человека, реализуемых семиотикой, к персонализированному методологическому инструментарию реалогии, изучающей и интерпретирующей феномены повседневной жизни человека лично. Доказано, что повседневность и мир вещей, долгое время изучавшиеся как сфера стандартизированных действий человека при помощи семиотических процедур с целью обнаружения их имперсональных смыслов и значений, не может быть сведена к пониманию на уровне языка и простой дешифровки культурных кодов. Эта зона культурного бытия личности – область персонализированных, невыразимых привычными средствами универсального языка смыслов, поэтому для её интерпретации и исследования предлагается комплекс методов реалогии.

Ключевые слова: вещи, повседневность, практики, методологический инструментарий, язык, семиотика, культурный код, реалогия.

FROM SEMIOTICS TO REALOGIYA: METHODOLOGICAL EVOLUTION OF THE RESEARCH AND INTERPRETATION TOOLS CULTURE OF EVERYDAY LIFE

Shipulina Natalya B., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Chair Volgograd State Social and Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd, Russia, 400066
E-mail: nbship@mail.ru

Explores the transformation of scientific paradigms in the social-anthropological Sciences of everyday life. Approved by the transition from semantizirovanny ways of understanding and study of the sphere of things and everyday life in the being of man, implemented semiotics, to personologizirovanny methodological tools rheology, studying and interpreting phenomena of everyday life of the human personality. It is proved that everyday life and the world of things, for a long time studied by the standardized actions of man with the aid of semiotic procedures with a view to detecting their impersonal meanings and values, can not be reduced to the understanding of the level of the language and simple decoding of cultural codes. This is the zone of cultural Genesis of personality - the area of personalized, untold common tools of the universal language of senses, therefore for its interpretation and study proposes a set of methods a rheology.

Keywords: Things, Everyday life, Practicians, Methodological tools, Language, Semiotics, Cultural code, Rheology.

Культура в самом широком смысле слова есть мир очеловеченных вещей: одухотворённых и ценностно-осмысленных человеком объектов природы, а также предметов, сотворённых ради определённых смыслов и ценностей и упорядоченных в некий космос, образующий специфическую сферу культурного бытия – повседневность. Существовая в двух измерениях, культура задаётся не только социально значимыми идеями, ценностями, идеалами, абсолютами, принципами, но и теми своими смыслами, которые заключены в обыденной жизни - в массе подробностей и мелочей

быта, обихода, образующей устойчивое своеобразие облика культуры как таковой. Ценности быта и ценности бытия - вот два основных модуса культуры.

Обнаружение культурного статуса мира овеществлённых идей, желаний, ожиданий, смыслов людей и привлечение внимания к проблеме духовных смыслов мира повседневности – одно из серьёзных направлений глубинного и целостного изучения культуры в социально-антропологическом знании последнего столетия. До конца XX в. наиболее популярными и продуктивными подходами к исследованию мира повседневности были социологический, культурно-исторический и семиотический. Именно они позволяли расшифровывать элементы повседневной жизни отдельного человека как свидетельства об идеалах, культурных образцах, ценностях, образе жизни макросоциума в синхронном и диахроническом рассмотрении, на глобальном и локальном уровнях. Г.С. Кнабе справедливо замечал, что «общественная жизнь и бытовая повседневность образуют две нераздельных стороны единого целого. Общественная жизнь связана с бытом, потому что воплощена в людях, и лишь в деятельности людей осуществляются коренные её процессы... Люди же эти живут в домах, окружены своими, их продолжающими и их выражающими вещами, пользуются так, а не иначе устроенными орудиями труда, руководствуются привычками и нормами» [4, с. 7]. Ю.М. Лотман также утверждал, что «все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер» и что «быт в его символическом ключе» есть достаточно важная часть культуры [6, с. 10–11].

В самом деле, вещи характеризуют общество и людей. «Благодаря заложенному в вещах образному содержанию, они могут рассказывать на своём языке... о внутреннем мире и эмоционально-психическом складе личности, о всей той сфере, где история становится переживанием и где формируются ранние импульсы общественного поведения... Этот мир и этот склад меняются во времени, вместе с ним меняются и образы вещей, что не может не сказываться на их языке, не делать его специфичным для каждой эпохи» [3, с. 39]. Если рассматривать культуру как язык, то вещи, окружающие человека в быту, всегда имеют знаковый смысл. Причём вещи не только создают дискурс, но и сами являются в некотором смысле дискурсом. Образ бытовой вещи выступает как «концентрированная метафора конкретного социального миропорядка» [3, с. 39].

Мир повседневности имеет культурное измерение, выступая в таких своих смыслах, как утилитарно-функциональный, историко-культурный, экономический, статусно-иерархический, символический и т.д. Структуры повседневности создают возможность творческой самореализации личности в социуме, соединяя духовно-ценностные основания культуры и реалии повседневной жизни, вписывая человека в пространство культуры, оформляя мировоззренческие ориентации. Вещи придают пространству свойства текста. «...Вещи высветляют в пространстве особую, ими, вещами, представленную парадигму и свой собственный порядок – синтагму, т.е. некий текст... Реализованное (актуализированное через вещи) пространство в этой концепции должно пониматься как сам текст...» [11, с. 219].

Понимание вещей и повседневности как феномена языка и текста культуры, а также выработка способов и процедур дешифровки смыслов и значений таковых ярко представлены и разработаны семиотическим направлением в гуманитарном знании (социологии, культурологии, антропологии). Среди европейских представителей наук о человеке и обществе наиболее известны семиотические труды Р. Барта, У. Эко; в отечественных социально-антропологических исследованиях основы семиотического направления изучения вещей и повседневности были заложены Ю.М. Лотманом, Г.С. Кнабе; в современной российской гуманитаристике оно представлено, например, Е. Мельниковой-Григорьевой [8], С. Махлиной [7] и др. Объектами таких семиотических исследований выступают курительная трубка, шнурки, утюг, мебель и другие бесчисленные предметы, обладающие некой универсально-культурной се-

мантикой, вполне доступной для дешифровки и интерпретации смыслов надличностного коллективного бытия. О такой устойчивой семиотической традиции исследования мира вещей свидетельствует также обилие выходящих в настоящее время российских и зарубежных справочников и словарей символов.

Но отношения с вещным миром имеют и онтологический статус, они затрагивают человеческое бытие. По Хайдеггеру, вещь, являясь в своей вещественности, приближает мир, то есть помогает ощутить свою реальность, «настоящность» собственного бытия. Отношения человека с вещью были проблематизированы главным образом через практику вторжения в сущее (техника) и практику имитации сущего (искусство). Не менее важной, но недостаточно теоретически проработанной является практика вживания человека в сущее, то есть его бытийная и экзистенциальная связь с бытовыми вещами. В последнее время в исследованиях, посвящённых социокультурным процессам и явлениям, акцент переносится на проникновение в феноменологические глубины сознания, на погружение в «жизненные миры» и ментальные структуры повседневности. В социально-антропологических исследованиях в связи с этим всё чаще сферу повседневной жизни человека рассматривают в качестве значимого социально-онтологического основания культуры. Для неё в особенности характерна синкретичность, нерасчленённость жизнедеятельности; познание «впяно» в общий контекст практически-духовного отношения к миру. В этом контексте корреляции событий, множество раз повторяясь, «закрепляются в сознании фигурами логики», вещи обретают имена, а отношения – общественные формы. Используя удачную метафору Б. Вальденфельса, повседневность выступает «плавильным тиглем рациональности» [1], конечной сферой значений, выражений обыденного языка и культуры. Духовное и материальное измерение культуры выступает как диалектика повседневности, как сложное противоречивое взаимодействие быта и бытия. Духовное и материальное измерение культуры, искусственное и естественное, официальное и «домашнее», нормативность и свобода создают своеобразное «силовое поле», определяют динамику мира человеческой повседневности» [5, с. 74]. Одной из важных характеристик всякой культурной целостности в социокультурном измерении является то, что она есть равновесие между двумя альтернативными мирами: миром единичного уникального, где доминирует личностно-индивидуальное начало, и миром социального с присущими ему закономерностями; между двумя ипостасями человеческого в культуре, двумя субстанциональными планами человеческого бытия – миром человеческих смыслов и ценностей и миром воплощающих эти смыслы и ценности вещей.

Для того, чтобы в рамках современных наук о культуре было возможно помыслить повседневность как сферу личностно-персонального, несводимого к универсальным культурным кодам, бытия, М.Н. Эпштейн ввёл в философский дискурс понятие «реалогия» для обозначения, на наш взгляд, очень существенной, важной методологической тенденции в современных науках о культуре. «Реалогия – наука о вещах, о вещественном, которая имеет своим предметом такую сущность вещи, которая не сводится к техническим качествам изделия, или к экономическим свойствам товара, или и эстетическим признакам произведения... Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрывается все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план, обесцениваются, устаревают» [10, с. 346]. Ещё в середине 80-х гг. XX в. М. Эпштейн в своей статье «Реалогия – наука о вещах» впервые призвал сделать главным методологическим фокусом личностную, «лирическую» сущность вещи. «Вся человеческая жизнь в значительной мере откладывается в вещах как своеобразных геологических напластованиях, по которым можно проследить смену возрастов, вкусов, привязанностей, увлечений... Каждая вещь включена в магнитное поле человеческой жизни, заряжена её смыслом, обращена к её центру... Перед нами встаёт задача расколдовать вещь, вызволить её из отрешения и забытья; при этом «домашность» должна раскрыться как культурная

категория, знаменующая полную душевно-телесную освоенность вещи, приобщённость её к жизни» [15, с. 24]. Эпштейн называет вещный мир Лирическим музеем или Мемориалом вещей – местом памяти самой культуры и конкретных субъектов культуротворчества. При этом он настаивает на разведении понятий «предмет» и «вещь». Вещь выступает не как объект какого-либо воздействия, но как принадлежность субъекта, «своя» для кого-либо. «Изделия», «товары», «раритеты», «экспонаты» – это, в сущности, разные виды предметов: предметы производства и потребления, купли и продажи, собирания и созерцания. «Между предметом и вещью примерно такое же соотношение, как между индивидуальностью и личностью: первое – лишь возможность или «субстрат» второго. Предмет превращается в вещь лишь по мере своего духовного освоения, подобно тому, как индивидуальность превращается в личность в ходе своего самосознания, самоопределения, напряженного саморазвития» [14, с. 302–324].

В этом смысле реалогия – это не «вещеведение», а способ философствования по поводу организации, структурирования человеком своего бытия через вещи и повседневные практики. По сути – это вещественная антропология культуры, пытливо исследующая все модусы и ипостаси человеческого в человеке, которая пытается постичь в вещах их собственный, нефункциональный смысл, не зависимый ни от товарной стоимости, ни от утилитарного назначения, ни даже от их эстетических достоинств. Она исследует личные вещи, не вещи «для чего-то», а вещи «чьи», занимается единичными персональными вещами, то есть миром оживлённых человеческими смыслами предметов реального неповторимого жизненного пространства. Причём одни и те же объекты такого пространства могут быть связаны с пользой, удовольствием, красотой. Всё зависит от того вопроса, который мы адресуем той или иной вещи, и от того, как этот наш смысл, вложенный в вещь, прочитывается и интерпретируется другими людьми, ведь вещи – это имманентная часть культуры, они создаются всегда конкретными людьми, но существуют между ними, в так называемой гомосфере, в культуре.

М. Эпштейну удалось этим концептом ухватить не только новое направление в исследованиях культуры философами, культурологами, социологами, антропологами, но и поворот в самой культурной реальности, поскольку «кликнутыми вещью» на рубеже XX–XXI вв. оказались и ощутили себя представители самых разных сфер человеческого творчества. Так, например, кинооператор Георгий Рерберг, работавший с Андреем Тарковским, назвал свой художественный метод «поэтическим натурализмом» именно потому, что он был основан на «вникновении в вещь», когда мастер наполняет кинокадр вещами, но не обязательно такими, которые скажут об эпохе, а заговорят о человеке, персонаже. Та же тенденция к созданию «вещественных» картин, ассамбляжей, инсталляций проявляется в это время в живописи и скульптуре, других формах искусства.

Есть некая бесконечная связь, диалог между вещью и индивидуальной памятью, хранящей жизнь этой вещи. Вещи, личностный мир, закреплённый в них, не мелькают, образуя пустоту в сознании человека, а наполняют его, дают ему пищу для размышления, согревают его. Василий Розанов, осмысляя онтологическую природу повседневности, понимал её «как место, дом, обжитое пространство, где рождается и вырастает человеческая самость. Именно в нём человек становится причастным миру, преодолевает дистанцию, излечивается от антропоцентрического высокомерия и брезгливости» [9, с. 232]. И он совершенно справедливо полагал, что «вечное живёт в повседневном, нет непроходимой грани между обыденным и сакральным. Даже более того, – вечное дано нам только в повседневном, здесь и теперь в мимолётных событиях, мелочах, «паутинках быта», в пространстве дома» [9, с. 233].

Итак, мы полагаем, что как в современных науках о культуре, так и в самой культурной реальности, сейчас происходит смена парадигм: от эстетической и семиотической – к реалогической и персонологической. Вещь – феномен единичного существования. Но не сама по себе как товар, технологически, функционально, риту-

ально или эстетически ценный для сообщества, для всех, а вещь чья-то, значимая лишь в её связи с индивидуальной частной жизнью, биографически заданная судьбой отдельного человека. Вещи бытийствуют не сами по себе, и не в их коллективно-надличностных формах, а как элементы или формы осуществления бытия индивида, развёртываются в его индивидуальном мышлении, опыте, творчестве. Они, как элементы интимного, личного бытия не могут быть стандартизированы, сведены к всеобщим, внеличностным, интерсубъективным смыслам в эстетической и семиотической парадигмах их исследования. Неустрашимый человеческий, точнее, личностный, фактор ориентирует современное знание о культуре на индивидуализированные, субъективированные принципы изучения и понимания уникальных и неповторимых смыслов вещей.

Такая смена парадигм в науках о культуре отражена, например, в труде южнокорейского филолога-русиста Ким Су Квана «Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность», который поэтапно прослеживает путь исследовательской мысли основателя московско-тартуской семиотической школы, усматривая в нём логику перекодирования понимания сущности культуры от науки к искусству, от системности к конкретности, от словесного к внесловесному, от линейного к пространственному, от условности к наглядности, от анализа к синтезу, от логического к мифологическому, от структурного к личностному [2, с. 6–7].

Убедительна, на наш взгляд, сходная лотмановской эволюция исследований и творчества известного итальянского писателя и культуролога У. Эко. Ранние его литературные произведения, например, роман «Имя Розы», более поздние издательские проекты, такие, как «История красоты» и «История уродства», представляются яркими иллюстрациями эстетико-семиотической парадигмы.

В одной из последних своих книг У. Эко рассматривает стремление культуры к упорядочению [12]. Именно из стремления «привести всё в порядок», не потеряться в круговороте образов, понятий, предметов возникают списки, перечни, каталоги, описания коллекций, которые красной нитью проходят через всю историю западного искусства и литературы. По сути, итальянский писатель и культуролог утверждает и иллюстрирует структурирующую и каталогизирующую сущность культуры. Однако все эти списки обладают слишком крупным масштабом относительно возможности быть интерпретированными на всеобщем, универсально-культурном уровне. Но ведь сущностью не только общечеловеческой культуры, но и смыслом индивидуального существования является борьба с пустотой и неупорядоченностью, заполнение «ненужного простора» вещами, идеями, словами, смыслами. Поэтому, как нам думается, весьма показательно завершение тематической и концептуальной эволюции творчества У. Эко от всеобщего к индивидуальному в понимании вещей и повседневности. Этому посвящён один из последних его романов «Таинственное пламя царицы Лоаны» [13]. Суть повествования сводится к тому, что нельзя восстановить личную биографическую память (которую из-за повреждения мозга теряет главный герой книги шестидесятилетний торговец антикварными книгами Джамбаттиста Бодони, при этом сохраняется его так называемая «бумажная», общекультурная память), не пройдя кропотливого и долгого пути от общечеловеческих смыслов культуры, через своё поколение, его прецедентные тексты, символы, вещи, внятные малому кругу людей, и, наконец, к самому себе, только к себе, вне связи со всеобщим, когда вещи – не маркеры эпохи, общественных реалий (чего-либо), а маркеры отдельной личности (кого-либо). Даже не знак, а онтологически часть кого-либо, как рука или нога. Поэтому текст (общекультурные символы и значения вещей) и даже контекст (эпоха, сообщество) не так важны, как неуловимый и часто невыразимый индивидуальный смысл вещей, принципиально невозможный для декодирования и интерпретации на уровне универсального языка культуры. Таким образом, семантический инструментарий, вне всякого сомнения, чрезвычайно продуктивен для анализа и исследования надличностного бытия человека

в культуре в той её сфере, где коллективные формы бытия доступны универсализации и обобщению. Результаты и выводы семиотики об образе жизни конкретной социальной группы, изучаемом в синхроническом и диахроническом ракурсе, о стилевых особенностях культурных парадигм отдельных поколений, об общепринятых смыслах произведений популярного искусства и т.д. с позиций имперсональных утилитарных, символических, историко-культурных, социально-экономических, властных, статусно-иерархических функций вещей и повседневных практик могут быть релевантны для понимания того, что происходит с обществом в целом, либо отдельными его группами. Но за пределами такого семиотического препарирования остаётся сфера частного бытия человека – его личное повседневное переживание вещей, персональные действия и субъект-объектные взаимодействия, их индивидуализированные смыслы, невыразимые средствами языка (тактильные, вкусовые, одорические, образно-коммеморативные свойства вещей; патологии kleptomании и коллекционирования; эмоциональное переживание ветхости и дряхления, разрушения вещей, горевание в связи с их утратой и т.п.), поскольку даже в своей полисемантической и символической контекстуальности язык тяготеет к всеобщности и универсальности обозначения всеобщих и универсальных смыслов вещей и явлений. В этом отношении семиотический подход по меньшей мере недостаточен в качестве адекватной методологии исследования и интерпретации повседневной жизни личности. И поэтому в развитии современного социально-антропологического знания происходит поворот к реалогической методологии изучения мира вещей и повседневных практик, позволяющей видеть и понимать вещи как форму личностной укоренённости в бытии культуры, обнаруживать персональную причастность миру и способ упорядочения мира в повседневной организации индивидуального бытия.

Список литературы

1. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности / Б. Вальденфельс // Социологос. – Москва, 1991. – Вып. I.
2. Гаспаров М. Л. Диалектика Лотмана / М. Л. Гаспаров // Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана: «иконичность», «пространственность», «мифологичность», «личностность». – Москва : НЛЮ, 2003.
3. Кнабе Г. Язык бытовых вещей / Г. Кнабе // Декоративное искусство. – 1985. – № 1.
4. Кнабе Г. С. Древний Рим – история и современность / Г. С. Кнабе. – Москва, 1986.
5. Коняхина И. В. Философско-культурологический анализ мира повседневности / И. В. Коняхина // Человек – Философия – Гуманизм : тезисы I Рос. философ. конгр. (4–7 июня 1997 г.) : в 7 т. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997. – Т. 6. Философия культуры.
6. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 1994.
7. Махлина С. Семиотика культуры повседневности / С. Махлина. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2009.
8. Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или Жертвоприношение простых вещей (Философически-семиотические заметки по пустякам) / Е. Мельникова-Григорьева. – Москва : НЛЮ, 2008.
9. Наливайко И. М. Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культура границ) / И. М. Наливайко // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. – Москва : Академический Проект ; РИК, 2005.
10. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского, М. Н. Эпштейна. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2003.
11. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – Москва, 1983.
12. Эко У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов : пер. с итал. / У. Эко. – Москва : СЛОВО/SLOVO, 2009.
13. Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны : пер. с итал. / У. Эко. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2008.
14. Эпштейн М. Вещь и слово. К проекту «лирического музея» или «мемориала вещей» / М. Эпштейн // Вещь в искусстве : мат-лы науч. конф. (1984). – Москва : Советский художник, 1986. – Вып. XVII.

15. Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах / М. Эпштейн // Декоративное искусство СССР. – 1985. – № 6.

References

1. Valdenfels B. Povsednevnost kak pravilnyy tigl ratsionalnosti. *Sotsiologos*. Moscow, 1991, vol. I.
2. Gasparov M.L. Dialektika Lotmana. *Kim Su Kvan. Osnovnye aspekty tvorcheskoy evolyutsii Yu.M. Lotmana: «ikonichnost», «prostranstvennost», «mifo-logichnost», «lichnostnost»*. Moscow: NLO, 2003.
3. Knabe G. Yazyk bytovykh veshchey. *Dekorativnoe iskusstvo*. 1985, no. 1.
4. Knabe G.S. *Drevniy Rim – istoriya i sovremennost*. Moscow, 1986.
5. Konyakhina I.V. Filosofsko-kulturologicheskiy analiz mira povsednevnosti. *Chelovek – Filosofiya – Gumanizm*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, vol. 6. *Filosofiya kultury*.
6. Lotman Yu.M. Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nach. XIX v.). St. Petersburg: Iskusstvo, 1994.
7. Makhlina S. Semiotika kultury povsednevnosti. St. Petersburg: Aleteyya, 2009.
8. Melnikova-Grigoreva E. *Bezdelushka, ili Zhertvoprinoshenie prostykh veshchey (Filosoficheski-semioticheskie zametki po pustyakam)*. Moscow: NLO, 2008.
9. Nalivayko I.M. Povsednevnost i problema kulturnoy samoidentifikatsii (Granitsy kultury i kultura granits). *V perspektive kulturologii: povsednevnost, yazyk, obshchestvo*. Moscow: Akademicheskii Proekt; RIK, 2005.
10. *Proektivnyy filosofskiy slovar: Novye terminy i ponyatiya*, pod red. G.L. Tulchinskogo, M.N. Epshteyna. St. Petersburg: Aleteyya, 2003.
11. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst. *Tekst: semantika i struktura*. Moscow, 1983.
12. Eko U. *Vertigo: krugovorot obrazov, ponyatiy, predmetov*. Moscow: SLOVO/SLOVO, 2009.
13. Eko U. *Tainstvennoe plamy tsaritsy Loany*. St. Petersburg: Simpozium, 2008.
14. Epshteyn M. Veshch i slovo. K projektu «Iricheskogo muzeya» ili «memoriala veshchey». *Veshch v iskusstve*. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1986, vol. XVII.
15. Epshteyn M. Realogiya – nauka o veshchakh. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 1985, no. 6.

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА К УСЛОВИЯМ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ, ВИРТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Калатура Юлия Юрьевна, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: yulka3689@mail.ru

Статья раскрывает некоторые подходы к пониманию феноменов «виртуальная реальность», «виртуальная культура», рассматривает изменение структуры жизнедеятельности человека, его мировоззрения под воздействием исследуемых явлений. Степень и пределы влияния виртуальной реальности на человека далеко не полностью изучены, в особенности, в междисциплинарном подходе. Поэтому важным является именно этот контекст изыскания. В статье используется комплекс научных методов исследований, направленных на теоретическое осмысление нюансов адаптации человека к условиям распространения виртуальной реальности. В числе основных методов: аналитический и типологический. В результате исследования выявлены дифференциации в подходах к пониманию и исследованию виртуальной реальности, виртуальной культуры, категории «виртуальное» в различных отраслях знаний, на разных исторических этапах развития человечества; определены модификации в области культуры и социальных отношений, связанные с развитием новых компьютерных технологий; отмечена тенденция дальнейшей «виртуализации» социума. Статья дает направления развития научного анализа проблем трансформации феномена человека в условиях виртуальной культуры, содержит теоретическую базу, которая может быть полезной для последующих междисциплинарных изысканий. Ключевые слова: виртуальность, виртуальная культура, виртуальная реальность, компьютерные информационные технологии.